

ТВОЕ МЕСТО В СТРОЮ!

Сергей Зверев

КОНТРАКТНИК

ПОЛОСАТЫЙ
ГЕНОЦИД

Контрактник

Сергей Зверев

Полосатый геноцид

«ЭКСМО»

Зверев С. И.

Полосатый геноцид / С. И. Зверев — «Эксмо»,
— (Контрактник)

ISBN 978-5-699-32302-9

Контрактник Владимир Локис отправился в Либерию на очередное задание. Задание необычное – группе спецназовцев приказано ловить... пчел! И вроде бы на полном серьезе. А дело оказалось в том, что один не в меру талантливый профессор, желая повысить медоносность, вывел новый вид этих насекомых. Но из-за мутации, произошедшей в результате скрещиваний, пчелы стали агрессивными, а их укусы – смертельными. Причем не для всех, а только для представителей белой расы! Так профессор невольно стал создателем расового биологического оружия. Но, что самое ужасное, о крылатых расистах случайно узнали представители мощного террористического клана, и есть все основания утверждать, что пчел уже применяют, и вовсе не для сбора меда. Планете грозит чудовищный геноцид! Когда Владимир понял это, отступить было поздно – он лежал под прицелом темнокожих террористов, и над ним кружили пчелы-убийцы...

ISBN 978-5-699-32302-9

© Зверев С. И.
© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	25
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Зверев

Полосатый геноцид

Глава 1

Международный аэропорт, воздушные ворота страны – звучит красиво, вкусно и солидно. Видятся стекло, бетон, чистота, блеск... Но аэропорт в Монровии, столице Либерии, больше напоминал площадку, отведенную для свалки мусора. Чего-чего, а этого добра вокруг его единственной взлетно-посадочной полосы хватало до сих пор. Хотя гражданская война уже пять лет как закончилась. По крайней мере, официально. Впечатление свалки усиливали полуразрушенные или наспех восстановленные здания, окна с разбитыми стеклами или и вовсе заколоченные фанерой. Стены со следами от пуль и осколков. Так и не убранные сгоревшие машины, которые просто спихнули в сторону. И царящая повсюду антисанитария. И так выглядел не только аэропорт – таким был практически весь город.

Немногочисленные самолеты и вертолеты сгрудились у диспетчерской вышки и радарного комплекса – чтобы проще было охранять. Слишком много разного оружия все еще ходило в Либерии по рукам. В основном авиатехника принадлежала местным ВВС и миротворческому корпусу ООН. Принадлежность к миротворцам обозначали выкрашенные в белый цвет фюзеляжи и огромные синие буквы UN на бортах. Взлетная полоса аэродрома напоминала лицо боксера-неудачника – на ней повсюду виднелись грубые пятна асфальтовых заплаток на месте снарядных воронок. Воздух над летным полем, казалось, плавился, искажая контуры удаленных объектов. Стрелка термометра уже вторую неделю опускалась ниже тридцати градусов лишь по ночам.

Немного в стороне от сгрудившейся авиатехники стоял транспортный самолет «Ил-76» с российским флагом на хвосте и эмблемой МЧС РФ на борту. У открытого грузового люка самолета уже довольно давно копошились грузчики-африканцы, перетаскивая ящики, коробки и мешки с гуманитарной помощью в ооновские грузовики – никакой механизации здесь не было и в помине. Рядом стояли два пыльных армейских джипа, возле которых прохаживалось несколько темнокожих миротворцев с французскими винтовками FAMAS, которые напоминали россиянам лобзики. На рукаве униформы у каждого красовалась нашивка в виде флага одной из соседних стран. Наконец последний мешок переключал из грузового отсека самолета в кузов грузовика, полуголые грузчики попрыгали следом. Фуры в сопровождении джипов уехали, но летчики не спешили закрывать рампу. Похоже, они ждали кого-то еще. Наконец из-за черной туши вертолета местных ВВС, сгоревшего в прошлом месяце по вине заправщиков, выехала санитарная машина – привычный глазу «УАЗ-452», за характерную форму заслуживший на родине прозвище «буханка». Машина плавно развернулась и аккуратно подрулила задом к открытой рампе. Водитель быстро распахнул задние дверцы и вместе с санитаром вытащил носилки. На них лежал изможденный мальчик-африканец. Техник, стоявший рядом с худощавым пилотом, бросился помогать санитарам и вместе с ними исчез в утробе самолета. К оставшемуся у рампы пилоту подошел врач. Его шоколадный загар вызывал здоровую зависть, но пилот не завидовал – он прилетал сюда не первый раз и хорошо представлял, как нелегко здесь работать. Особенно если привык к совсем другому климату. Они поздоровались, и пилот протянул медику сигарету. Тот не отказался. Пилот затянулся и, кивнув в сторону грузового отсека, поинтересовался:

– Что за пацан?

– Местный... Ему операция нужна, иначе долго не протянет. Но здесь необходимого оборудования ни у кого нет, поэтому в Москву повезем.

– Болен чем? – встревожился летчик.

– Не бойся, не заразный. Последствия ранения. Ты не смотри, что шкет. Он уже навоевался побольше нашего с тобой.

– Ты с ним полетишь? – Пилот взглядом показал на сумки и чемодан, которые врач поставил рядом на асфальт.

– Ага, – кивнул тот. – Положен сопровождающий. Тем более что парнишка несовершеннолетний. Ну а у меня срок контракта истек. Нет, врать не буду, деньги хорошие платят, но сил больше нет... Наконец выберусь отсюда. Честное слово, надоело. Устал. Третий год уже здесь, а никак не привыкну. Я понимаю, конечно, войны, революции. Ни на что сил не хватает. Но хотя бы сортиры самые простые, типа «скворечников», соорудить можно было. Столица, блин. Только в центре на нормальный город и похоже. Квартал в сторону – все загажено. Даже мусор не вывозят. Никто ничего делать не хочет. На лапу не дашь – даже не чихнут.

– Ничего, скоро будешь дома. Слушай, а что с этим пацаном? Что там за операция? Дорогая, наверное?

– Да уж точно не из дешевых, – согласился врач. – Но ему бесплатно сделают. Из гуманитарных соображений. По новейшей технологии, практически бескровная – зонд, лазер, искусственный имплантат. Сделают ему в России операцию, вернется на родину. Будет нас и страну нашу добрым словом поминать.

– А сам-то он кто?

– Да сирота он, родителей убили во время карательной операции, едва ему пять исполнилось. Детства у него практически не было, вырос в лагере у повстанцев. И повоевать успел, даже отличился там где-то. Командира спас, что ли. Ранен был, выжил, но заросло плохо. Как результат – сильно сужена одна из трахей легкого, практически не работает. Дышать ему трудно. А с одним легким долго не проживешь... Имечко у него, кстати, мудреное, у нас никто с первого раза выговорить не смог. Мы его Максимкой прозвали – и нам так легче было, и на его настоящее имя похоже. Этот его бывший командир сейчас здесь, в Монровии, какой-то большой начальник. Встретил пацана на улице, увидел, что загибается. Ну и в госпиталь привез. Он-то, командир его, когда-то в Москве учился. Может, поэтому парня к нам и пристроил.

Врач замолчал. Пилот, принявший историю парнишки близко к сердцу, не знал что и сказать. Вдруг врач тряхнул головой и заговорил снова. В его голосе явственно звучали ностальгические нотки:

– Столько в этом грязном бардаке торчал, а у меня в Москве семья, дети... Неужели сегодня увидимся наконец?

– Увидитесь, увидите, – приободрил его пилот, замечая, что со стороны ангаров наконец показался долгожданный топливозаправщик.

После того как уехали и санитарная машина, и заправщик, экипаж собрался у самолета в ожидании разрешения на вылет. Врач, сопровождавший на операцию в Россию мальчишку-либерийца, тоже был здесь – проверив состояние своего подопечного, он выбрался на воздух. Внимание скучающего от вынужденного безделья экипажа тут же переключилось на него – доктора засыпали вопросами об особенностях жизни в Монровии, тот во встречном порядке интересовался новостями с родины. Пилот заметил, что поблизости нет никого из охраны аэропорта, но не придавал этому значения. Поди, пиво дуть слиняли. Все равно самолеты никто не украдет. Да и чрезвычайное положение вроде вводить никто не собирался... Скорей бы уж взлет разрешили.

Вдруг его внимание привлек худой невысокий чернокожий с жуликоватой физиономией, в шлепанцах и потрепанном выгоревшем камуфляже явно с чужого плеча, с темными пятнами на местах, где прежде были знаки различия. От уха до носа через всю правую щеку у него протянулся длинный старый шрам. Макушку африканца украшала выцветшая кепка-бейсболка со следами какой-то надписи. Мужичок толкал перед собой дребезжащую модель-

ную тележку, нагруженную корзинами с фруктами. Похоже, мелкий торговец решил сократить путь и двинул через летное поле. Африканец тоже заметил столпившихся у самолета людей и моментально изменил свой маршрут. Тележка угрожающе закричала, но подчинилась. Подобострастно улыбаясь и беспрестанно кланяясь, африканец громко и быстро заговорил по-английски, настойчиво предлагая белым джентльменам купить в дорогу фруктов. Фрукты выглядели очень привлекательно, пахли тоже соблазнительно, к тому же цену торговец назвал небольшую – даже смешную, если сравнивать с московскими рынками. Да и лететь ведь не один час, если не целый день.

Поэтому и пилот, и врач без долгих колебаний купили по целой корзине. То же самое сделали и другие члены экипажа. Только штурман не проявил интереса к фруктам. Сам он их не любил, а семьи у него пока не было. В то время как остальные торговались, штурман отошел в сторонку с фотоаппаратом, чтобы сделать несколько снимков. На память об экзотической стране...

Глава 2

«Ил-76ТД» – транспортник, а не стратегический бомбардировщик, из Либереи до России без дозаправки даже порожняком не долетит. Поэтому сразу после взлета самолет взял курс на Каир, где предстояло пополнить запас топлива.

Когда приборы показали, что «семьдесят шестой» набрал рабочую высоту, командир включил автопилот. «Следующие несколько часов главной задачей будет не заснуть за штурвалом», – с усмешкой подумал он. На маршруте не предвиделось никаких осложнений, синоптики обещали ясную погоду с минимальной облачностью. И ничьи военно-воздушные силы не затевали никаких учений в этом районе в последнее время. Так что надо только долететь.

Услышав сообщение штурмана, что до египетской границы осталась минута полета, командир еще раз проверил показания приборов и прислушался. У него возникло ощущение, что в монотонном гуле турбин появился какой-то странноватый призывок. Что-то похожее на жужжание. Точно, назойливое жужжание насекомого. Не показалось – через мгновение источник шума возник в поле зрения. Пчела! Неужели еще в Монровии залетела? Черт! Кабина самолета – не квартира, на высоте десяти тысяч метров форточку не откроешь и газеткой не выгонишь. Второй пилот по молодости лет не был склонен к философии. Скрутив хлопушку из заваливавшегося журнала, он метким ударом прихлопнул настырное насекомое. Мертвая пчела свалилась на пол кабины. «Снайпер» самодовольно усмехнулся: знай, мол, наших. Но ухмылка тут же сползла с его лица: в кабине снова послышалось жужжание. Он взмахнул импровизированной хлопушкой, но вторая пчела увернулась от удара и сама пошла в атаку. Ужаленный командир вскрикнул, хватаясь за шею, где на месте укуса стремительно вспухал волдырь. Второй пилот наконец прихлопнул жужжащего агрессора, но тут же из задней части кабины послышался вскрик ужаса, сменившийся непечатными выражениями. Это радист заметил еще одну пчелу, потом еще...

Непонятно откуда одна за другой стали появляться непривычно крупные пчелы, тут же распуская крылья и разлетаясь по салону. Казалось, они вылетают отовсюду. Жужжание становилось все громче и агрессивнее. А отбиваться от пчел в ограниченном пространстве салона самолета, полном всяческих выступающих деталей, было все труднее. К охоте на незваных гостей подключились все, кто был на борту, кроме дремавшего на носилках парнишки-африканца. По всему салону раздавались удары самодельных хлопушек. Когда число мертвых пчел на полу салона превысило полтора десятка, члены экипажа с облегчением заметили, что жужжания больше не слышно. Это было очень кстати – «семьдесят шестой» уже вошел в египетское воздушное пространство и начал снижаться. Предстояла посадка для дозаправки.

На подлете к Каиру командир неожиданно понял, что волдырем на шее не обойдется. Температура стремительно поднималась, перед глазами сгущалась пелена непонятного тумана, его начал бить озноб... Второй пилот принял штурвал, с тревогой глядя на командира. Бортинженер позвал врача.

Неужели реакция на укус пчелы? Скорее всего, пожал плечами тот, глядя на жутко разбухшую ранку от укуса. Ему уже приходилось оказывать помощь при укусах ядовитых насекомых, и он принялся за дело, однако обычные меры почему-то не помогали. Командира, которому на глазах становилось все хуже, вытащили из кресла и перенесли в салон. Врач делал все, что мог, – тщетно. Никакого эффекта. Второй пилот тем временем посадил тяжелую машину, техник занялся подготовкой к дозаправке...

Озабоченные состоянием командира, они не сразу осознали, что в салоне опять жужжат пчелы. Пользуясь пребыванием на земле, экипаж попытался выгнать насекомых из кабины. Часть злобных насекомых удалось прихлопнуть, часть вылетела наружу. В самолете снова стало тихо.

– И откуда их столько?..

Все только пожимали плечами. Радист и техник потирали места укусов. Посоветовавшись, решили продолжить полет и не обращаться к египтянам за помощью, будучи не слишком высокого мнения о местной медицине. Тем более что Каир был для них лишь «аэродромом подскока», и о вызове местной «Скорой помощи» следовало позаботиться заранее. Терять время не стоило. Дозаправившись, «Ил-76» снова взлетел. Однако вскоре после набора высоты врач начал сомневаться в правильности принятого решения. Состояние командира не улучшалось, и несколько часов, отделявших их от посадки на аэродроме, могли оказаться для пилота фатальными. Тот уже несколько раз терял сознание.

За штурвалом с хмурым видом сидел второй пилот. Бортинженер подсел к врачу и поинтересовался:

– Доктор, скажите, что с командиром? Мы все очень переживаем.

Тот пожал плечами:

– Честно говоря, насекомые – не мой профиль. Я терапевт и ручаться, что не ошибаюсь, не могу.

Но бортинженер не унимался:

– А все-таки, что вы думаете? Вы же врач, вы все равно в этом деле больше нас понимаете...

– Ручаться не стану, но, по-моему, у вашего командира аллергия на пчелиный яд. А то с чего бы такой здоровый мужик так быстро сник? Ведь от одного укуса пчелы люди не умирают.

Экипаж, поразмыслив, согласился с врачом. Очень похоже на то, что так оно и есть. Аллергия. Связавшись с наземными службами, второй пилот с подачи врача затребовал «Скорую» прямо на бетонку. Поколебавшись, добавил, что в самолете могут быть ядовитые насекомые и, следовательно, может потребоваться дезинфекция. На то, что движения радиста стали какими-то замедленными, ни летчик, ни врач не обратили внимания – ничего удивительного, все устали. Вон техник тоже кислый какой-то сидит... Врач похлопал летчика по плечу и направился в салон, к своим подопечным. Незачем мешать пилоту – самолет уже начал снижаться. Еще несколько минут – и этот кошмарный полет закончится... Присев рядом с командиром, врач положил ладонь на его лоб и покачал головой: температура не спадала. Он машинально потянулся к своей сумке, хотя знал, что там нет ничего, что могло бы помочь больному. Но его рука замерла на полдороге: в салоне вновь отчетливо стало слышно зловещее жужжание! Врач подскочил и во весь голос заорал:

– Тревога! Пчелы!

Его услышали все, но никто не успел среагировать. Насекомые мгновенно заполнили салон. Казалось, все ранее прихлопнутые пчелы снова поднялись в воздух. Более того, через минуту каждый находившийся на борту человек испытывал стойкое ощущение, что их гораздо больше, чем в прошлый раз. Откуда они берутся – по-прежнему было непонятно. Рассвирепевшие насекомые набрасывались на людей, жая всех подряд. Те отбивались чем попало, и довольно успешно – жужжащие камикадзе гибли один за другим. Однако и их атаки достигали цели. В конце концов, пчел было гораздо больше, чем людей. Очень скоро каждого из членов экипажа «украшало» несколько быстро вспухающих волдырей. Звуки ударов импровизированных хлопушек перемежались с руганью и вскриками ужаленных членов экипажа и пассажиров. Пчелы атаковали даже потерявшего сознание командира и лежащего на носилках Максимку, которые не участвовали в бою. Но хуже всех было второму пилоту, который не мог выпустить штурвал, чтобы хотя бы отмахнуться от назойливых насекомых. Попавший в организм яд уже начал действовать, и пилоту оставалось только надеяться, что он не вырубится раньше, чем пневматики коснутся посадочной полосы.

Наконец сильный толчок возвестил о том, что самолет приземлился. Посадка получилась жесткой. Никто из людей, занятых борьбой с жужжащим кошмаром, в этот момент не смог

удержаться на ногах. Пчелам же было наплевать на то, что полет завершен, – они настойчиво продолжали свои атаки.

На помощь экипажу пришли подоспевшие спасатели – в открывшиеся люки сразу же хлынули струи какого-то аэрозоля с неприятным запахом. Пчелы ринулись из самолета, разлетаясь во все стороны, но большинству далеко улететь не удалось. Аэрозоль, не слишком безопасный даже для людей, для пчел оказался и вовсе убийственным.

Первым из чудом посаженного вторым пилотом транспортника эвакуировали командира; он по-прежнему был без сознания. Остальные, хотя пока и держались на ногах, тоже чувствовали себя все хуже. Их спешно рассаживали в подъехавшие машины. Над аэродромом сгустились сумерки. Врача усадили в ту же «Скорую», куда погрузили носилки с его подопечным маленьким африканцем. К машине подошел один из спасателей, похоже, какой-то начальник – на погонах блеснули крупные звезды:

– Знаете, откуда пчелы взялись в самолете?

Врач отрицательно замотал головой. Здесь было тепло, но его знобило. Причем все сильнее. В глазах мутнело.

– У вас там в кабине стояли корзины с фруктами. Фрукты сладкие, видимо, поэтому пчелы их и облюбовали. А когда самолет взлетел, они почувствовали себя неудобно, выбрались наружу и напали на людей...

Врач разомкнул пересохшие губы:

– Мы их купили. Фрукты. В Монровии. У бродячего торговца в аэропорту. Перед самым вылетом...

– Ясно, я запомню, – кивнул ему спасатель и махнул кому-то рукой: – Отправляйте!

Те, кому в спешке пришлось заниматься дезинфекцией прилетевшего из Либерии транспортника, не были в курсе этого разговора и не стали заморачиваться вопросом, что делать с бесхозными корзинами. Их просто выбросили вместе с содержимым в мусорные контейнеры позади аэродромного командного комплекса.

Глава 3

Пилот умер вскоре после полуночи, не приходя в сознание. Прежде чем врачи успели понять, что происходит, один за другим скончались остальные члены экипажа. Несмотря на все усилия медиков, врач, которому пчелиных укусов досталось меньше, чем остальным, умер на рассвете. Он так и не увидел свою семью.

Но врач не был последним погибшим. Спустя всего несколько часов почти одновременно скончались двое спасателей. Они были среди тех, кто первыми прибыли к самолету, прилетевшему из Либерии. И у обоих обнаружили раздувшиеся волдыри на местах укусов. До конца дня, пожаловавшись на те же симптомы, умерли еще трое.

Результаты экспертизы показали, что в организме каждого погибшего присутствовали неизвестные токсины органического происхождения, ранее на территории России не отмеченные, которые и привели к смертельному исходу. Все указывало на то, что во всех случаях яд попал в организм в результате пчелиного укуса.

Но это, как оказалось, было еще не все. Уже к вечеру выяснилось, что пчелы из корзины с фруктами, которые дезинфекторы на аэродроме МЧС так непредусмотрительно выбросили в мусорные контейнеры, разлетелись по окрестностям. Одно за другим начали поступать сообщения о нападениях пчел и многочисленных ужаленных. И что самое ужасное – у всех пострадавших вырисовывалась такая же клиническая картина, как и у жертв из самолета МЧС: почти мгновенно появляется высокая температура, возникает огромный волдырь на месте укуса, через какое-то время нарушается координация движений, снижается острота зрения, обоняния и восприятия окружающего мира в целом. Затем наступает временный паралич, потеря сознания и – быстрая смерть. Причем, как оказалось, для смертельного исхода вполне достаточно одного укуса.

Спецслужбы и власти отреагировали моментально, первым делом отсекая пути для возникновения паники: уже на следующий день врачам местных больниц было предписано в «причинах смерти» писать любой другой правдоподобный диагноз. Информация о пчелах-убийцах успела промелькнуть в одной столичной газетке, специализирующейся на всякого рода сенсациях и аномалиях, но дальше никуда не пошла. И сама эта газетка, пообещав читателям продолжение материала и собственное громкое расследование, так потом и не вспомнила об этих своих обещаниях – после одного-единственного звонка, на который пришлось ответить ее шеф-редактору. Несколько подозрительных пчел, найденных в салоне «Ил-76», отправили в Москву на экспертизу. Они пока оставались единственной зацепкой. Внешне «африканские гости» почти не отличались от обычных пчел, разве что были чуть крупнее. Более серьезные отличия мог найти только специалист. Запоздалое сообщение спасателя, общавшегося с врачом из самолета сразу после приземления, мало что прояснило. Единственное, что стало понятно, это как пчелы-убийцы попали в Россию. Выяснить, как они распространились в окрестностях аэродрома МЧС, не составило большого труда. Проштрафившимся дезинфекторам грозили крупные неприятности.

Когда первый шум улегся, вспомнили и о мальчишке-африканце, прилетевшем тем кошмарным рейсом из Либерии. К всеобщему удивлению, выяснилось, что Максимка выжил, хотя и не имел никаких специальных прививок, а на его теле насчитали почти полтора десятка укусов... Ни у кого не нашлось вразумительного, тем более научного объяснения этому чуду.

Более того, пчелиные укусы для него даже не стали противопоказанием для проведения или хотя бы отсрочки операции. Да и сама операция прошла успешно, без каких-либо осложнений: через введенный без хирургического вмешательства зонд в суженное место трахеи установили синтетический имплантат-расширитель. Теперь мальчик мог полноценно дышать.

Впрочем, «людей из органов» и военных биологов гораздо больше интересовало то, почему пчелиный яд ему не навредил. В то время как для остальных он был смертелен, и противоядия пока не предвиделось. То, что распыленный спасателями аэрозоль убивал насекомых с очень высокой степенью эффективности, утешало мало. Это средство защиты обладало также высокой токсичностью и огнеопасностью. К тому же выпускалось в очень незначительных количествах по причине высокой стоимости производства. Так что о широком применении подобной химии не могло быть и речи. Тем более что это было «средство ответного удара», а никак не упреждения опасности. В сложившейся ситуации следовало говорить или о скорейшем создании противоядия, или об устранении самого источника угрозы.

Следующие три дня расследование фактически стояло на месте, несмотря на регулярные накачки сверху. Наконец некий дотошный следователь, знакомый с последними словами врача, обнаружил в цифровом фотоаппарате погибшего штурмана с «Ил-76» один весьма интересный снимок. На довольно четкой картинке в окружении еще живых летчиков хорошо просматривалась жуликоватая физиономия чернокожего торговца фруктами, «украшенная» жутковатым шрамом в пол-лица...

Глава 4

Балашиха, если кто не знает, – обычный подмосковный город-спутник. Даже главная улица – шоссе Энтузиастов – является, по сути, продолжением одноименной столичной магистрали. Полчаса на машине – и ты в Москве. Однако большинство местных жителей бывают в такой близкой столице нечасто – слишком уж отличается темп жизни здесь и там. Суетно в Москве, да и дорого. А работа и здесь найдется. Тот же, кто находит себе работу в мегаполисе, очень скоро перебирается туда насовсем, не выдерживая такого раздрая.

В самом обычном балашихинском дворе, обозначенном типовыми пятиэтажными «хрущевками» и мало отличимом от сотен таких же дворов в небольших российских городах, на скамеечке у подъезда одной из панельных коробок сидели три старушки, зорко отслеживая все перемещения во дворе. Попутно они обсуждали последние события любимых сериалов, не особенно стесняясь в выражениях. Все равно заморские героини, чьи косточки старушки с таким удовольствием перемывали, ничем не могли им ответить. День сегодня выдался прохладный, но спокойный, безоблачный, ветра почти не было, и старушки с удовольствием грелись на солнышке. Из подъезда выкатился бойкий румяный старичок в вязаной жилетке, этаким добровольным общественником:

– Привет, красавицы!

Старушки дружно заулыбались, а старичок привычно шлепнулся на скамейку напротив. Дождался в соответствии с давно заведенным порядком вопроса «что там в мире нового?» и принялся пересказывать все, что успел прочитать в газетах или высмотреть в теленовостях. Старушки только охали и ахали – новости у старичка были как на подбор, одна другой страшнее. В списке на сегодня у него имелись разбившийся где-то в Африке самолет, упавший в пропасть в Тибете автобус, затонувший в Атлантике танкер с мазутом, сгоревший в Москве двухсотлетний особняк и много чего еще. Перебрав катастрофы, старичок переключился на проблемы экономики.

– Я тут читал, что скоро деньги вообще ничего не будут стоить – цены-то растут – и вся власть будет у тех, кто производит и распределяет продовольствие.

– И то верно! Растут цены, каждый божий день растут! Как с цепи сорвались. Вон хлеб и то на целых полтора рубля подорожал! – оживилась одна из бабушек.

– А я так и вообще забыла, когда мясо покупала! – подключилась к обмену мнениями вторая.

Старичок, гордый вниманием, продолжал выкладывать свои сенсации:

– А вот еще я в одной газете читал, что в Китае собака родилась, и не простая, а с тремя головами. Там в газете даже фотография была... А, вот, нашел – смотрите!

– Ужас-то какой! – Старушки дружно перекрестились, увидев снимок. А старичок не унимался:

– А еще я читал, в другой газете, что такая пчела появилась, что как укусит – сразу каюк! Они продолжение обещали напечатать, с подробностями и с фотографиями, вот только зря сегодняшний номер покупал – не было там ничего. Может, на следующий номер перенесли?..

Тем временем из-за угла «хрущевки» показались двое – аккуратная приятная женщина предпенсионного возраста и ее сын, высокий крепкий парень. Он нес набитые доверху сумки так, словно они были пустые. Повернув к подъезду, женщина с сыном поздоровались с разомлевшими на солнышке пенсионерками.

– Здравствуй, здравствуй, Тимофевна! – отвечали на приветствие старушки. – Слышь, какие страсти в мире творятся! Нам тут Петр Иваныч рассказал. Про собаку трехголовую и про пчел...

– Ну, чтобы собака с тремя головами родилась – в это и я поверю, случилось уже такое, и не раз, сама по телевизору в прошлом году видела, когда двухголового теленка показывали, – поджала губы Антонина Тимофеевна. – Но чтобы от одного укуса какой-то пчелы умереть... У моего отца – его деда – в деревне пасека, так меня еще в детстве сто раз кусали! И Володя мой тоже не раз пчелами жаленный. И ничего – ни он, ни я даже не болели ничем ни разу! Ладно, соседки, пойдем мы...

Антонина с сыном скрылись в подъезде. Старушки тут же переключились на новую тему для обсуждения: мол, и заботливый у Антонины Локис сын, и внимательный, и видный весь из себя... Не курит, не пьет, кулаками почем зря не машет. Зарабатывает к тому же неплохо, Антонина как-то говорила – в военной части на складе служит, им теперь нормально стали платить. Что же он не женится? Жених, что ни говори, завидный. Разве что в командировки часто ездит. Так ведь кто дома сидит, тот и денег не зарабатывает. Да и командировки у него не слишком долгие, по правде говоря. Вон у Зои Петровны из соседнего дома старший сын в торговом флоте, так он по полгода в море пропадает, к матери хорошо, если раз в году заглянет. По сравнению с этим, может показаться, что Володя Локис почти всегда дома. Но почему такой парень до сих пор один?..

Глава 5

Антонина Тимофеевна на кухне разбирала свои многочисленные покупки – что в холодильнике, что в шкафчики, а что и сразу на стол. Не догадываясь, о чем сейчас судачат бабушки у подъезда, она ласково втолковывала сыну:

– Володя, ты ведь уже взрослый и в армии отслужил... Жениться тебе пора! Ты вот мне скажи: я внуков дождусь или не дождусь? Ведь скоро на пенсию выйду, чем буду заниматься? А то с внуками бы нянчилась... Только ты вон или дома сидишь, или в своей военной части. Пошел бы прогулялся, с девушкой какой познакомился!

– Успеется, мам... – рассмеялся сын.

– Ты мне это уже который год говоришь? Если тебе с одной невестой не повезло, так ведь это не значит, что и с другой будет то же самое. У тебя же отпуск начался, сынок. Вот поехал бы куда-нибудь, познакомился там. Если здесь для тебя подходящей невесты нет. Или весь месяц будешь со мной дома сидеть?

– Ну зачем же весь... Я, может, на неделе к деду в деревню поеду. Давно не виделись. Крышу ему надо перекрыть. Да и за пчелами помогу присмотреть.

Владимир представил себе деда Тимофея среди ульев – по-другому не получалось – и невольно улыбнулся. Отец матери был увлеченным пчеловодом. Выйдя на пенсию, целиком отдался любимому занятию. Да и сейчас, на восьмом десятке, не собирался завязывать с пчеловодством, приговаривая, что если бы не пчелы, не прожил бы так долго. И внука в свое время приохотил. Владимир, когда в школе учился, все каникулы проводил на дедовой пасеке. И хоть становиться пчеловодом не собирался, но толк в пчелах знал и обходиться с ними умел, крепко помнил дедову науку. И, как мать, тоже не верил, что от одного укуса пчелы можно вот так просто взять и помереть.

– И то верно, давно ты у деда не был, – с легкой улыбкой согласилась мать. – Ладно, помоги-ка мне с мясом разобраться.

Двоем они управились быстро. Владимир, намылив руки, сунул их под кран. И услышал, как в комнате запел звонок его мобильного.

– Мама, возьми, пожалуйста!

– Хорошо, сынок! – Антонина Тимофеевна осторожно взяла со столика Володин телефон и, нажав нужную кнопку, поднесла его к уху:

– Алло?

– Алло? Здравствуйте. А Владимира Локиса можно?

Услышав в трубке незнакомый, но приятный девичий голос, Антонина расцвела от удовольствия:

– Конечно, можно! Подождите минутку.

Владимир вбежал в комнату, взял у матери мобильник:

– Да. Да. Я... Прямо сейчас? Да, милая, понял. Уже выезжаю. – Бросив мобильник на диван, Владимир быстро переоделся. Почему-то натянул обычные свои джинсы и куртку, но мать не успела обратить на это внимание. Вытащив бумажник, он принялся пересчитывать деньги.

– Мама, я уезжаю. Надолго. Недели на три.

– Куда, Володя? – Антонина Тимофеевна в недоумении уставилась на сына. – Ты же вроде как в отпуске?

– Куда? – На секунду лицо Владимира обрело задумчивый вид, затем расплылось в широкой улыбке. – Куда же еще можно ехать в отпуске? Ну не на службу же. На море еду, отдыхать. На Азовское. С девушкой. До конца отпуска, если погода не подкачает. Да, денег тебе оставить?

– Как-то все это неожиданно... – проговорила мать.

– Ма, понимаешь, я почему тебе про поездку к морю ничего не говорил? Сглазить боялся. До последнего момента не был уверен, что она поедет. Она у себя на работе важный специалист, не хотели отпускать. У них там сейчас горячий сезон, в их конторе отпуска обычно зимой берут. Да и учти, мы же не так давно познакомились, могла и просто передумать.

– Ну, с этим-то ясно, – покачала головой мать. – Поезжай, конечно... Вот только когда ты меня с ней познакомить собирался, а? Партизан, весь в деда... Я тут распинаюсь, а у него, оказывается, девушка уже есть. Давно познакомились?

– В том-то и дело, что нет. Месяца еще не прошло. Хотел убедиться сначала, что у нас это серьезно.

– Ну, хотя бы когда вернетесь с моря, ты меня с ней познакомишь?..

Владимир выбежал из подъезда, помахал рукой матери, смотревшей на него в окно. Так ведь и будет стоять, даже когда он за углом скроется. Хотя надо же, как здорово получилось выкрутиться. Похоже, мать поверила. Поездка ему и в самом деле предстояла, но совсем не на курорт. Удачно взводный придумал, чтобы к телефону женский голос позвал. Мать хоть ненадолго забудет о своих подозрениях, что сын вовсе не на складе службу несет. Она и так испереживалась вся, когда он срочную в Чечне проходил. А скажи ей кто сейчас, что сын в парашютном спецназе совсем не валенки на складе пересчитывает... Даже думать не хочется, что с матерью тогда будет. Нет, она не узнает. У мамы должно быть спокойно на сердце. Даже если для этого придется познакомить ее со своей девушкой. Правда, сначала надо будет самому с ней познакомиться...

Глава 6

Укатанная грунтовая дорога вынырнула из джунглей. Заросли расступились, и слева от дороги в поле зрения вплыла длинная линия столбов, перетянутых параллельными линиями колючей проволоки, блестящей после недавнего дождя. Здесь, в провинции Боми, которая раскинулась к северо-востоку от столицы, разместился учебный центр заново создаваемой национальной гвардии Либерии. Внутри обозначенного оградой периметра – ровные ряды палаток маскировочной окраски, плац, штабной барак, возле которого несколько джипов и армейских грузовиков. Прикрытые брезентом штабеля бочек и ящичков. Вышки с часowymi. В дальней от дороги стороне лагеря – стрельбище и полоса препятствий. В общем, все что положено, чтобы новобранцы не скучали.

И они не скучали. Лагерь жил бурной и весьма разнообразной жизнью с раннего утра и до позднего вечера. Ежедневные кроссы, представлявшие собой нарезание десятков кругов с полной выкладкой по периметру лагеря. Разглядывание мишеней на стрельбище сквозь прицел, до рези в глазах, с последующим проделыванием дырок в этих мишенях – и горе промахнувшимся! Падения мордой в грязь на полосе препятствий. Многочасовые занятия по рукопашному бою. Приседания с тяжеленным бревном. Взятая инструкторами за основу программа подготовки корпуса морской пехоты США была полна разнообразных развлечений.

Легче всего темнокожим рекрутам давалась стрельба, что было неудивительно. По правде сказать, настоящих новичков среди них не было. Большинство имело за плечами немалый боевой опыт. Причем совсем недавно многие из них стреляли друг в друга. Но гражданская война кончилась, и вчерашние противники оказались в равном положении. Они привыкли воевать, заниматься же чем-то другим либо не умели, либо не хотели, либо возможности такой не подвернулось. И когда новое правительство Либерии распахнуло двери вербовочных пунктов, многие вчерашние враги встретились в одних очередях.

А сейчас они и вовсе в одинаковой униформе и в одном строю бежали кросс в полной боевой выкладке, под ободряющее гавканье сержантов и смачное чавканье разбавленной недавним дождем грязи.

Стоя у штабного барака, за ходом занятий наблюдал немолодой, матерого вида инструктор в камуфляже без знаков различия. На его лице застыла гримаса удовлетворения, в которой только человек с богатой фантазией разглядел бы улыбку. Но инструктор действительно пребывал в хорошем настроении. У подопечных наблюдался явный прогресс, и его вмешательства в ход занятий не требовалось. Похоже, из этих обезьян все же удастся сделать хоть какое-то подобие настоящих солдат за оставшийся срок, раз они так продвинулись всего за несколько недель. Основы заложены, теперь можно и в сторонке постоять. Пусть сейчас их сержанты понадрываются, им тоже стоит побольше практиковаться. Инструктор хмыкнул, представляя, как все же не скоро нынешние рекруты смогут превратиться из вчерашних партизан с весьма смутным представлением о дисциплине в настоящие боевые машины.

Именно он был главным в этом бардаке, и отсутствие знаков различия на его униформе не вводило в заблуждение даже рекрутов в первый день пребывания в лагере. Здесь все знали его как Сэма Карвера, майора вооруженных сил США. Хотя никто из прочих американских инструкторов до Либерии его не встречал и даже о нем не слышал. Что выглядело несколько странно, поскольку майор иногда за стаканчиком виски вспоминал о своих приключениях в Афганистане, Кувейте, Ираке, Сомали и целом ряде иных «горячих точек», где побывало большинство его нынешних подчиненных. Из этого следовало, что либо майор бессовестно врал, либо в тех местах его звали вовсе не Карвером. Проведя бок о бок с майором несколько месяцев, инструкторы единодушно склонялись к второму варианту.

Сейчас рядом с майором помимо свободных от занятий инструкторов маячили еще несколько человек, тоже американцев. Удивительного в таком количестве граждан США не было ничего. В далеком 1847 году независимость Либерии провозгласили как раз черные переселенцы из Соединенных Штатов, бежавшие сюда от рабства, и впоследствии страна всегда имела поддержку со стороны американского правительства, гласную или негласную. Тем более что, прибыв на «землю обетованную», эти переселенцы не слишком стремились слиться со своими африканскими собратьями, продолжая считать себя американцами. Традиционно сильного американского влияния в этой стране не ослабили ни антиамериканский государственный переворот, устроенный сержантом Доу в 1980 году, ни последовавшая за ним затяжная гражданская война, унесшая десятки тысяч жизней и закончившаяся десять лет спустя жуткой смертью диктатора. Вскоре бывшие противники режима Доу перегрызлись в борьбе за власть, и на Либерию обрушилась вторая гражданская война. Только в 2003 году на эту землю пришел неустойчивый, но все же мир. Естественно, в стране с полностью разрушенной экономикой только полный псих отказался бы от иностранной помощи. И, конечно, первыми ее предложили Штаты, которые не хотели терять еще одного союзника в Африке...

Среди окружавших сейчас майора Карвера людей по-настоящему выделялись двое. Первым из них был худощавый блондин в неброском штатском костюме, одних лет с майором, почему-то совершенно не загорелый, хотя он находился в Либерии уже далеко не первую неделю. На его фоне Карвер и остальные инструкторы-американцы мало отличались от настоящих негров. Вторым был стоявший чуть поодаль заместитель майора, здоровенный афроамериканец, почти на голову выше своего начальника. Он выделялся не только ростом, хотя и не был единственным черным среди инструкторов. Впрочем, по странному стечению обстоятельств, белые среди них все же преобладали. По сравнению с блондином заместитель Карвера представлял собой другую крайность – он был не просто негром, его кожа была угольной черноты, рядом с ним либерийцы смотрелись хорошо загоревшими белыми.

Блондин, чей штатский костюм довольно успешно скрывал атлетическое телосложение своего хозяина, наклонился к уху Карвера и негромко сказал:

– Я смотрю, Сэм, твой заместитель пользуется у местных популярностью...

– Ничего странного, – с усмешкой отозвался инструктор. – Его предки из Либерии, уехали в Штаты после Второй мировой. У Джо здесь полно родственников, есть связи в местных кланах. Не напрягайся. Я ему вполне доверяю, без него наша работа здесь была бы намного сложнее.

Сержант-либериец с фамилией Таннер на нагрудной бирке, прибежавший с площадки, где шло занятие по рукопашному бою, подскочил к заместителю Карвера и принялся что-то ему докладывать. Но тот молча, одним лишь жестом отправил его к своему начальнику. От внимательного взгляда блондина не укрылась гримаса недовольствия, мелькнувшая на лице сержанта. Однако африканец без возражений подчинился. Карвер выслушал сержанта, всем своим видом показывая недовольство тем, что его беспокоят из-за таких пустяков, затем процедил что-то сквозь зубы. Сержант после секундной заминки выпалил «йес, сэр!», откозырял и убежал обратно. Блондин был уверен, что на обратном пути сержант мысленно материл Карвера на чем свет стоит. И ведь это не единственный замеченный им случай. Даже сегодня. Блондин покачал головой: его старый приятель Сэм или не замечал, или не хотел замечать, что либерийцы его, мягко говоря, недолюбливают. Чего нельзя сказать о его заместителе, который не уступал майору в авторитете даже среди своих белых коллег.

Но Карвера, похоже, волновало что-то другое.

Он то и дело посматривал на часы, и блондин был уверен, что старший инструктор немного нервничает. Кого-то ждет?

Предположение оказалось верным – на идущую вдоль ограды лагеря дорогу из джунглей вынырнул джип с подозрительно знакомой эмблемой. Блондин с нескрываемым любопытством

присмотрелся к подъезжающей машине. Интересно, что может быть нужно компании «Хэнджер Фудс», весьма серьезной европейской корпорации по производству и реализации продуктов питания, в стране, где только вчера закончилась гражданская война? Надо полагать, что-то весьма достойное серьезных вложений. «Хэнджер Фудс» не ловит тараканов.

Джип, стального цвета «Рейндж-Ровер» с тонированными стеклами, тем временем вкатился в ворота лагеря и встал у штабного домика. «Еще интереснее», – подумал блондин и с вопросительной гримасой посмотрел на Карвера.

– Извини, Джонни, – пожал тот плечами и ухмыльнулся. – Пивка попьем в другой раз. Это за мной, и это не на пять минут.

Блондин тоже пожал плечами: как знаешь, мол. По большому счету он не расстроился – ему тоже было чем заняться в отсутствие приятеля, хотя он вполне успешно изображал праздного бездельника. Майор взмахом руки подозвал одного из инструкторов:

– Чарли, ты за старшего, пока меня не будет. Продолжайте заниматься. Все как обычно. Думаю, к ночи мы вернемся.

Шагнув к джипу, Карвер обернулся к заместителю:

– Ты со мной. На случай, если придется общаться с местными.

Тот молча кивнул и вслед за майором уселся в «Рейндж-Ровер». Дверцы захлопнулись, мотор тут же взревел, и джип буквально вылетел за ворота.

Глава 7

Дорога почти сразу снова утонула в джунглях. Заросли нехотя расступались лишь тогда, когда джип изредка проезжал через небольшие поселки. Игравшие прямо на дороге полуголые ребяташки едва успевали разбежаться, но водитель-африканец сбрасывал скорость лишь на больших ухабах и на поворотах. Сидевший рядом с ним европеец с ничего не выражающей физиономией и коротко подстриженными светлыми волосами всю дорогу равнодушно молчал, время от времени поправляя лежащий на коленях «узи». В конце концов, он был всего лишь сопровождающим. Впрочем, майора Карвера его молчание вполне устраивало – он не любил пустого трепя, когда речь шла о деле. Или о деньгах.

Часа через полтора они свернули с хорошо накатанной широкой дороги, на которой без проблем смогли бы и два танка разъехаться, на почти незаметную колею, скрытую в зарослях. Если бы не прибитый к придорожному дереву фанерный щит с напыленным через трафарет логотипом «Хэнджер Фудс» и грубо нарисованной стрелкой, то сам Карвер наверняка проехал бы мимо. Их джип преодолел еще пять миль по этой колее, которая за придорожными кустами оказалась весьма наезженной, после чего джунгли наконец ушли в сторону, и «Рейндж-Ровер» выкатил на берег довольно широкой реки. Майор увидел впереди несколько сборных щитовых домиков, обнесенных забором из двух рядов металлической сетки. Если верить карте, то они уже в соседней провинции Лофа. Англоязычная табличка на сетке большими черными буквами сообщала, что ограда находится под высоким напряжением. В центре огороженной площадки на флагштоке лениво колыхался флажок той самой корпорации «Хэнджер Фудс», эмблема которой украшала дверцу джипа, доставившего сюда двоих американцев. Среди домиков туда-сюда перемещались люди. В основном белые. Часть из них была в такой же серой униформе, как и их сопровождающий. Некоторые носили белые халаты. Остальные, в большинстве своем африканцы, – в синих рабочих комбинезонах. И у всех – именная бирка на груди и эмблема корпорации на рукаве.

Часовой в серой униформе и с висящим на груди «узи» распахнул ворота, пропуская джип на территорию научной базы. Водитель подрулил к одному из домиков и остановился у крыльца.

Гостей встречал седой как лунь, но при этом весьма подвижный старик-европеец приятного вида. Профессор Виктор Тиллер, если майор правильно запомнил его фамилию. То ли немец, то ли француз. Хотя, может, и англичанин. Одет он был в белый халат, как и те несколько белых типично «ботанического» вида, что стояли на шаг позади старика, с доброжелательным любопытством глядя на вновь прибывших. Майор взглянул на профессора и непроизвольно скривился – по одному его виду можно сказать, что кроме высокой науки того ничто не интересует. И остальных белых халатников, похоже, тоже. Честно говоря, майор не любил яйцеголовых – по его мнению, они вместо того, чтобы решать проблемы, часто создавали новые. Взять хотя бы... Хотя ладно, забудем. В данном случае дело пахнет очень неплохими деньгами, как намекнул при прошлой встрече посланец профессора. Старик с неожиданной прытью подскочил к гостям, пожал руку и майору, и его заместителю, кивком головы отпустил их сопровождающего и водителя. Затем широким жестом пригласил гостей в дом:

– Полагаю, вы устали с дороги, мистер Карвер? Извините, что интересы науки вынудили нас забраться в такую глушь. Не откажетесь перекусить, прежде чем перейдем к делу? Прошу...

Майор и его заместитель прошли за стариком внутрь. Здесь было намного прохладнее, чем снаружи, – корпорация не поскупилась на хорошие кондиционеры. Как ни странно, никто из ученых за ними не последовал – за столом они оказались втроем. Похоже, Тиллер в отсутствие шишек из корпорации являлся на своей исследовательской базе единственным власти-

телем... После того как и хозяин, и гости отдали должное выпивке и закускам, Карвер решительно перешел к делу:

– Хотелось бы узнать, профессор, зачем все-таки вы нас пригласили? Что за работу вы хотите нам предложить? Ваш человек намекал, что мы внакладе не останемся, если согласимся. Мы не дети и понимаем, что нам предлагают работу, а не рождественский подарок. Мы знаем, что деньги обычно платят за что-то. Но, по-моему, пора нам поподробнее узнать о том, чего вы от нас хотите...

Старик доцедел свой бокал, поставил его и безмятежно улыбнулся:

– Что ж, господа, вы правы. Пора поговорить и о деле.

Он помолчал, собираясь с мыслями, согнал улыбку с лица и заговорил:

– Итак, о деле. Начну немного издалека, чтобы вам легче было понять общую картину. Чтобы вы могли оценить важность того, чем мы здесь занимаемся. Корпорация «Хэнджер Фудс», с которой я имею честь сотрудничать, финансирует мои эксперименты по скрещиванию местной разновидности дикой африканской пчелы и одомашненной европейской. К сожалению, европейская пчела при всех своих положительных качествах сильно проигрывает африканской в трудолюбии и продуктивности медосбора. Поэтому нашей целью является создание такого гибрида, который совместит в себе лучшие качества двух видов. В перспективе это позволит корпорации занять весьма достойное место среди мировых производителей меда.

«Проще говоря, позволит этим жлобам из „Хэнджер Фудс“ умудохать любых конкурентов», – подумал Карвер. Но вслух ничего не сказал, лишь плеснул себе еще виски, не забывая изображать на лице неподдельный интерес к научным подробностям. Впрочем, вступление действительно оказалось любопытным – из него совершенно нельзя было понять, каким именно образом выведение пчел-гибридов может превратиться в выгодное предложение Сэму Карверу. Профессор перевел дух и, немного замявшись, продолжил:

– Собственно, подобные эксперименты уже предпринимались в шестидесятые годы прошлого века в Бразилии. По заказу тамошних пчеловодов их ставил английский генетик Уорвик Керр. К сожалению, несмотря на солидное финансирование, опыты мистера Керра не увенчались успехом... Как оказалось, далеко не всякая разновидность африканских пчел пригодна для скрещивания...

Молчавший до сих пор заместитель Карвера вдруг поинтересовался:

– Скажите, профессор Тиллер, а почему вы работаете здесь? Мне кажется, корпорации проще было бы создать вам все условия для работы в Англии. Во всяком случае, там гораздо безопаснее, чем в стране, где совсем недавно шла война.

Старик улыбнулся:

– Вы правы, молодой человек... простите, как вас называть?

– Рейвен, капитан Джозеф Рейвен.

– Вы правы, мистер Рейвен. Там действительно безопаснее. Но я уже сказал, что не всякая разновидность африканских пчел подходит для моих опытов. Единственная, которая прошла предварительные тесты и была признана нами пригодной, водится здесь. В Либерии, в провинции Лофа. То есть там, где мы с вами сейчас находимся. Руководство корпорации «Хэнджер Фудс» сочло возможным согласиться с моими выкладками и разместить лабораторию здесь. Поскольку это увеличивает наши шансы на успех. И сокращает затраты на отлов и доставку диких пчел, которых не надо везти в Европу.

Майор хлопнул еще стаканчик виски – хорошее у них здесь виски, между прочим, настоящий «Черный Джек», не местная подделка – и сказал:

– Здорово... Мне даже стало интересно. Знаете, профессор, я люблю послушать тех, кто понимает, о чем говорит. А вы, по-моему, понимаете. Скажите, а можно ознакомиться с вашими исследованиями более предметно?

Старик замер, удивленный неожиданным любопытством обыкновенного наемника, пусть и не рядового, каким он, что греха таить, считал Карвера. И с некоторой настороженностью произнес:

– К сожалению, в этом я не могу вам помочь. Все рабочие данные исследований являются собственностью корпорации. Коммерческая тайна, знаете ли. Даже мои сотрудники не имеют свободного доступа к сводному журналу наблюдений, лабораторным записям и всему прочему. Каждый занимается только своим участком работы, не имея представления об общей картине. Секретность – требование руководства компании... Все результаты хранятся в сейфе, который даже я не имею права открывать без представителя корпорации... Но вы сильно не расстраивайтесь. Все равно пока в нашем распоряжении имеются лишь промежуточные результаты экспериментов, которые еще следует проанализировать и осмыслить. То есть я хочу сказать, что пока рано делать выводы.

– Понятно. Жаль... Но хоть на самих пчел посмотреть можно? – не сдавался Карвер.

Профессор пожал плечами.

– Ну, если вам действительно так любопытно... Хотя, признаюсь, я не ожидал такого интереса от обычных военных. Не поймите меня превратно, – тут же начал извиняться Тиллер. – Сказав «обычные военные», я имел в виду лишь то, что вы не медики или специалисты по биологическому оружию... Тем более что мы вас пригласили с несколько иной целью. Которая с нашими пчелами связана лишь косвенно... – Не закончив фразу, старик замолчал. Ушел в себя, что-то прикидывая. Потом решительно тряхнул шевелюрой: – Хорошо. Я думаю, вполне можно устроить для вас небольшую экскурсию. Наша пасека – весьма подходящее место, чтобы поговорить о том, ради чего мы вас пригласили. Тем более что это недалеко отсюда. Примерно три километра или около двух миль – кому какие меры длины привычнее.

– Простите, профессор, – вклинился в разговор Рейвен, когда они вышли из домика, – что это за запах? Что-то горело?

– А, это... Это мы окуриваем наши домики специальным составом, чтобы отпугивать насекомых. Ну, и диких пчел, разумеется. Чтобы они не нарушали чистоты эксперимента. – Старик в белом халате снова улыбнулся. – Я сейчас распоряжусь насчет машины...

К удивлению Карвера, с дисциплиной у яйцеголовых оказалось по-армейски строго. Всего через несколько минут джип уже вез их с профессором на пасеку. Только теперь за рулем вместо водителя-африканца сидел сам начальник охраны базы, а сзади ехал еще один джип, открытый «Лендровер», набитый охранниками.

Когда до пасеки осталось с полмили, Тиллер приказал остановиться; все они по его требованию облачились в специальные костюмы и сетчатые маски. Объяснение профессора было коротким – «для вашей же безопасности». Потом все снова забрались в машину и так же неспешно проехали оставшееся расстояние. Джипы встали на довольно большой площадке перед входом на территорию пасеки, хотя ширина ворот позволяла проехать. Сама пасека, как и оставшиеся позади домики исследовательской базы, была огорожена забором из двух рядов стальной сетки, весело блестящей на солнце. В проходе между сеткой неторопливо прогуливался охранник в таком же, как на профессоре и его гостях, «противопчелином» костюме с маской поверх серой униформы, с неизменным «узи» в руках. Второй, одетый в точно такой же балахон, всматривался в гостей из будки у ворот. Впрочем, на территории пасеки не было никого, кто был бы одет иначе. Профессор и начальник охраны на пару секунд сбросили маски, показываясь охраннику в будке. Тот кивнул, узнал, мол, и открыл калитку. Ворота остались на замке. Надо же, какие меры безопасности, искренне удивился Карвер. Ни хрена себе пчел они тут выводят...

Территория «объекта» представляла собой большой прямоугольник, расчищенный от травы и камней, в центре которого в несколько рядов выстроились ульи. Справа от ворот стоял сборный щитовой домик, служивший одновременно лабораторией, столовой и местом отдыха

для дежурной смены ученых, слева – похожий домик поменьше, который использовался в основном под склад для топлива, инструментов и оборудования. В нем же, как охотно объяснил профессор, находился и генератор. Впрочем, Карвер и сам хорошо слышал бодрое тарахтение дизеля, доносившееся изнутри. У пчелиной кормушки в центре площадки возился подсобный рабочий. Он загружал в кормушку кормовую смесь. Среди ульев ходили еще двое ученых, наблюдая за ульями и делая какие-то записи в блокнотах. Майор заметил, что один ряд ульев отличается окраской, но не стал спрашивать старика, что это значит. Профессор и так насто-рожился, заметив неожиданный для него интерес Карвера к своим опытам. Стоит ли напрягать его еще больше? Лучше подождать – авось сам объяснит.

Сотрудники профессора поприветствовали гостей, но старик сделал жест, означавший: продолжайте, мол, не отвлекайтесь, и те вернулись к своим занятиям. Старик повел гостей по пасеке, по ходу объясняя:

– В этих ульях у нас колония диких пчел, в этих – европейских. Наш рабочий материал. А здесь, – профессор с плохо скрываемой гордостью показал на те самые, выделенные цветом ульи, – наши пчелы-гибриды. Кстати, рядом с ними будьте осторожны. К сожалению, они пока получают довольно агрессивными... Но мы надеемся устранить этот побочный эффект.

Неспешно передвигаясь по пасеке, они подошли к кормушке. Подсобный рабочий, чья худоба угадывалась даже под защитным костюмом, обернулся на голос профессора и поклонился, почтительно здороваясь с Тиллером и его гостями. Услышав голос Рейвена, рабочий задержал на нем взгляд дольше, чем следовало. Но Карвер, занятый беседой со стариком, этого не заметил.

Проведя гостей по пасеке, профессор привел их в домик у ворот, где они смогли снять неудобные балахоны. Здесь старик наконец-то озвучил причину, заставившую его обратиться к Карверу и его людям.

– Надеюсь, вы удовлетворили свое любопытство. Теперь я хотел бы поделиться с вами проблемой, которую, как мне кажется, именно вы можете помочь мне решить. Дело в том, что в окрестных джунглях хозяйничают местные племена, относящиеся к народности мбунде. Сущие дикари, если не сказать бандиты. Они предъявили нам ультиматум. Мбунде считают, что наши база и пасека находятся на их земле, а значит, мы должны им за это заплатить. Два дня назад они повторили свои требования. В принципе, просят они не слишком много, но... Кто знает, чего они потребуют завтра? Ведь аппетит, как говорится, приходит во время еды. Мои люди уже замечали какое-то подозрительное движение в джунглях вокруг наших объектов. Мы обратились за помощью в штаб войск ООН, но они сказали, что не занимаются охраной коммерческих объектов. Тем более так далеко от Монровии. Нанимать кого-то в Европе обойдется слишком дорого даже для такой крупной компании, как «Хэнджер Фудс». Но вот если бы вы могли предоставить, скажем, хотя бы тридцать-сорок либерийцев из числа тех, кого вы готовите для местной армии, этой их национальной гвардии... Мы могли бы за это заплатить и вашим солдатам, и вам лично – за содействие. Мне кажется, что все будут довольны. И солдатам приятная прибавка к их скромному жалованью, и нам спокойнее. Что касается питания солдат, корпорация готова взять решение этого вопроса и связанные с ним расходы на себя. Ну, как, вы возьметесь нам помочь?

– О, конечно, профессор, о чем разговор! Если это и есть ваша проблема, то мы с удовольствием поможем вам ее решить, – с широкой ухмылкой, заставившей старика невольно вздрогнуть, сразу же согласился Карвер. Он-то, честно говоря, ожидал чего-то более опасного и менее прибыльного. – Вернемся назад, переговорю с кем надо, и через пару дней получите охрану. Не знаю, правда, как насчет сорока... это все-таки довольно много, но двадцать или даже двадцать пять солдат я вам гарантирую.

– Я думаю, надо пройтись вокруг, произвести разведку прилегающей местности – с какой стороны реальнее всего ждать нападения, оценить, сколько солдат здесь может понадобиться. Не возражаете, сэр? – вступил в разговор Рейвен.

В этот момент в домик вошел подсобный рабочий и снял с головы защитную сетку. Все увидели, что у этого африканца через всю правую щеку от уха до носа идет длинный старый шрам, похожий на грубую татуировку. Второй шрам, почти как первый, прочертил правую сторону его бритого черепа от переносицы до затылка. Из-за этого голова рабочего была похожа на арбуз, в котором вырезали дольку, но забыли вынуть. При том что и без шрамов он не выглядел красавцем. «Жутковатое зрелище», – равнодушно подумал Карвер. А Рейвен, продолжая развивать свою идею, обратился к профессору:

– Простите, сэр, не мог бы ваш человек, – он кивнул в сторону обладателя шрамов, – показать мне, что и как тут у вас в округе?

– О, конечно! – Профессор, обрадованный, что его просьба так быстро нашла у американцев полное понимание и поддержку, с легкостью согласился. Капитан Рейвен и либериец со шрамами вышли. Карвер, у которого от немалого количества виски слегка шумело в голове, глядя в окно, проводил их безразличным взглядом. Поведение заместителя не вызывало у него никаких подозрений. До сих пор Джо не давал никаких поводов в себе усомниться. Хоть сам из Штатов прибыл сравнительно недавно, но местные реалии знает лучше многих белых, сидящих здесь чуть ли не с рождения. К кому он, сам черный, должен был еще обратиться за помощью, как не к единственному местному в лаборатории?

Честно говоря, Карвера беспокоил не заместитель – от Джо он подвоха не ждал. А вот то, что все на пасеке ходили в этих балахонах, а главное – в масках, полностью скрывающих лицо, и различали друг друга по голосам и бэйджикам, майору действительно не понравилось. Непуганые эти яйцеголовые. Не дай бог, кто додумается раздобыть с десятков таких костюмчиков – вырежут всех умников на раз...

– Итак, мы договорились, мистер Карвер? – Старику, как видно, очень хотелось еще раз услышать такой желанный для него ответ.

– Да, профессор. Через пару дней вы получите лучшую охрану, на какую можете рассчитывать в этих богом забытых местах.

Глава 8

На обшитой черной искусственной кожей двери в недрах здания штаба части красовалась табличка с указанием должности, звания и фамилии хозяина кабинета. По заведенному еще в советские времена порядку надпись была выполнена желтыми буквами на красном фоне. Сейчас в кабинете за этой дверью находились двое.

Первым был хозяин кабинета, майор Горячев – суровый широкоплечий мужик с испещренным шрамами лицом в рубашке защитного цвета и погонами «в два просвета» на плечах. Давно привыкший не заморачиваться по поводу спущенных сверху приказов и не ожидавший от подчиненных чего-то другого. Сомнения подобны ржавчине, способной вывести из строя самый отлаженный механизм. Этому мнению он придерживался с очень давних пор. И даже в хорошем настроении смотрел на окружающий мир хмуро. Но сегодня у майора Горячева, командира элитной части спецназа парашютистов, повода для хорошего настроения не было. Поэтому он выглядел не просто хмурым, а был чернее тучи и разве что не метал молнии. Что в полной мере ощущал на себе второй человек, находившийся в кабинете. Несмотря на ширину командирского стола, разделявшего этих двоих. Второй выглядел заметно моложе, шрамы на лице пока не просматривались, да и звездочки на погонах его рубашки были помельче, обозначая всего лишь звание старшего лейтенанта.

Старлей чувствовал себя немного не в своей тарелке – он привык, что обычно командир распекает проштрафившихся подчиненных. Сам не раз оказывался в центре командирского внимания, особенно поначалу. Что делать – командир, офицер еще советской закалки, который сам поступил в Рязанское училище сержантом, отпахавшим положенные два года срочной службы, не испытывал большого доверия к таким, как старлей. К тем, кто пришел за лейтенантскими погонами сразу со школьной скамьи. «Студентам», как майор их иногда называл. Возможно, это и было слегка обидно, но все же понятно и привычно. Но чтобы Горячев вот так высказывался в адрес вышестоящего командования...

Стол командира, на котором всегда можно было узреть что-нибудь этакое, сегодня устлала разнокалиберные карты Атлантического побережья Экваториальной Африки. Поверх карт молодой офицер углядел краем глаза стопку папок, судя по цвету – с личными делами, еще несколько папок с грифом «секретно» и несколько здоровенных альбомов, в которых он, командир взвода спецназа, с удивлением распознал энтомологические атласы и только теперь до конца проникся степенью потрясения, пережитого его командиром.

То и дело впечатывая кулак в стол, командир части сокрушался:

– Совсем они там в Москве одурели от скуки! Нет, я понимаю – предателя ликвидировать, который слинял в дальнее забугорье и там в защищенном бункере сидит! Тяжело, опасно, но работа как раз для спецназа. Или какую сверхсекретную фигюину ученым притаранить типа в подарок от америкосов на Двадцать третье февраля... И людей, конечно, отбирать приходится соответственно – альпинистов, водолазов или там компьютерщиков. Тоже странно бывает, но опять же – не удивляет! Но это ж ни в какие ворота не лезет! На вот, сам посмотри, – и Горячев раздраженно пихнул старлею через стол тонкую папку, – посмотри, какие требования к кадрам в этот раз выдвигают! Читай! Видишь? «Предпочтение отдавать тем, кто разбирается в пчеловодстве»... У меня тут, между прочим, десантная часть, а не пасака! И вообще – вот ты мне скажи, неучу дремучему такому, неужели какие-то пчелы могут представлять угрозу для безопасности нашей страны?

Старлей поймал папку, раскрыл, вчитался, тоже хмыкнул. И, всем видом показывая согласие с мнением майора, все же сказал:

– Мы с вами, товарищ майор, люди служивые, приказ есть приказ... Прикажут блох ловить на белых медведях – тоже сплюнем, но наловим и доставим.

Хозяин кабинета хмыкнул и, довольный услышанным, уже гораздо спокойнее сказал:

– Правильный подход. То есть наш. Что до предстоящей операции, то люди уже отобраны, не напрягайся. Как ты уже догадался, если ты, Махов, сидишь здесь и держишь в руках эту папочку, то командиром группы будешь ты. Из наших с тобой пойдут еще трое. То есть всего вас будет четверо. Подозреваю, одни вы не отправитесь, «сверху» к вам прицепят кого-нибудь еще. Но кого и сколько – я пока не в курсе... Ладно, к этому вопросу мы еще вернемся. Но будь готов, что с «пассажирами» придется понынчиться в полном смысле этого слова. Не исключено, что дадут каких-нибудь академиков от пчеловодства. Что до твоих бойцов... Там в папке еще написано, что разбираться они должны не только в пчеловодстве, так что в группе будут связист, снайпер и медик.

– И кто будет снайпером? – полюбопытствовал старший лейтенант.

Командир части усмехнулся:

– Что, уже догадался? Верно, Локис из твоего взвода. Без вариантов. Кстати, что ты сам о нем скажешь? Только не надо личное дело цитировать, я читал. Ну?

– Что скажу? Нормальный русский парень. Толковый. Надежный. Характером твердый. Грамотный. Не зверь, но и не рохля. Друга не подведет, девчонку не бросит. В бою не будет нюни распускать. Снайпер от бога. Да и в остальном один из лучших. В деле себя показал, и не раз. Чечню прошел. Да вы и сами знаете...

– Знаю, – односложно согласился командир. В этот момент на столе зазвонил телефон. Хозяин кабинета снял трубку, молча выслушал невидимого собеседника и положил трубку обратно.

– Уже приехали, – сердито бросил он старлею и подошел к окну. Махов последовал за ним и увидел медленно едущий от КПП к штабу черный лимузин в сопровождении двух здоровенных внедорожников с мигалками. Надо думать, охрана.

Пару минут спустя дверь кабинета приоткрылась, впуская солидного мужчину в штатском с темно-красной кожаной папкой в руке. Махов успел заметить, что в коридоре остались люди. Похоже, высокий гость в дорогом костюме приехал не один. Но дверь тут же снова закрылась, и сопровождающих старлею разглядеть не удалось.

Когда они уселись вокруг стола – командир части, высокопоставленный московский чиновник и никуда не девшийся старший лейтенант, – гость заговорил.

– Полагаю, вы уже ознакомились с нашим запросом. Понимаю, что изложенные в нем требования к кандидатам на участие в предстоящей операции вас... немного удивили. Но поверьте, майор, это не чья-то бездумная блажь...

Офицеры внимательно слушали штатского, неторопливо излагавшего им трагическую историю возвращения из Африки злополучного самолета МЧС.

– ...Один из тех, кто был на борту, успел сообщить, что корзины с фруктами, где находились пчелы-убийцы, были куплены непосредственно перед вылетом из Либерии, прямо на аэродроме. В нашем распоряжении имеется даже снимок продавца. К сожалению, эту информацию мы получили с изрядным опозданием.

Гость раскрыл свою папку и выложил на стол сильно увеличенную фотографию невзрачного африканца в заношенной камуфляжной куртке, окруженного улыбающимися русскими летчиками. Симпатичные люди. Даже не верилось, что никого из них уже нет в живых. Махов обратил внимание на выражение обезображенной шрамом жуликоватой физиономии либерийца: тот, похоже, не заметил, что его снимают.

– Этот человек продал фрукты нашим летчикам. То, что его при этом сфотографировал один из членов экипажа, – чистая случайность. Возможно, этот продавец – наша единственная зацепка. На данный момент мы знаем следующее: в организме каждой жертвы обнаружены неизвестные ранее европейской науке сильнодействующие органические токсины. Специалисты полагают, что именно эти токсины стали причиной смерти летчиков, нескольких спасате-

лей и почти трех десятков гражданских лиц. При этом сообщения о жертвах все еще поступают, хотя прошло уже больше двух недель. Это, в свою очередь, говорит о том, что пчелы-убийцы способны к длительному выживанию в нашем климате. И это очень плохо. Что касается токсинов... Эти вещества ядовиты настолько, что для летального исхода большинству из нас вполне достаточно и одного укуса такой пчелы. Впрочем, насчет одного укуса – это лишь предположение ученых, на практике каждая из жертв была ужалена минимум три-четыре раза. Что называется, с гарантией. Противоядие до сих пор не найдено, и вряд ли его удастся создать за пару дней или даже недель. Не говоря уже о промышленном производстве. Даже в лучшем случае речь идет о месяцах. Однако, – штатский выдержал паузу, давая офицерам проникнуться серьезностью ситуации, – как оказалось, укусы этих насекомых смертельны не для всех. Мальчик из Либерии, который был в этом самолете, не только не умер, но и прекрасно себя чувствует. Что особенно удивительно, ведь его привезли в Россию, чтобы сделать операцию, иначе бы он умер. Правда, в этом были бы повинны не пчелы, а последствия тяжелого ранения. К слову, операция прошла успешно. Он жив и чувствует себя прекрасно.

Штатский обвел взглядом своих собеседников в военной форме.

– А теперь попробуйте ответить, почему на мальчика пчелиный яд не подействовал? Ведь пчелы в самолете кусали и его тоже. И не один раз. Напомню только, что он африканец.

Офицеры молчали, не понимая, куда клонит высокопоставленный гость.

– А потому, что эти токсины на черных, судя по всему, не действуют...

– Расизмом пахнет, – пробормотал Махов.

– Не обязательно. Существует огромное количество заболеваний, которыми болеют либо белые, либо черные. Например, африканцы никогда не болеют малярией. Поскольку она развивается в человеческом организме под воздействием ультрафиолета, а черная кожа не пропускает ультрафиолет.

– Неужели? – удивился майор.

– Хотите исторический пример? – На лице штатского возникло подобие улыбки. – Когда во время Второй мировой в Северной Африке англичане противостояли германскому корпусу Роммеля, малярией болели абсолютно все, кроме африканцев, мобилизованных в британских колониях. Я мог бы вспомнить массу аналогичных историй, пришлось, знаете ли, ознакомиться с материалами. Но давайте остановимся как на установленном факте, что этот пчелиный токсин на черных не действует.

В повисшей тишине – майор чувствовал, что его любимым шуткам в этой обстановке не место, и молчал – штатский продолжал развивать свою мысль:

– Из этого следует, что пчелы-убийцы могут стать идеальным оружием расовых чисток. А для Российской Федерации это вообще будет фатально, учитывая, что страна у нас «белая». Поэтому очень важно, в чьи руки попадет такое оружие... Но и это еще не все.

Штатский вздохнул и обратился к собеседникам с вопросом:

– Вы знаете, что такое экологическая цепочка?

Офицеры честно пожали плечами. Хотя Махов, в отличие от своего командира почитывавший научно-популярные журналы не только по служебной необходимости, но и просто из любопытства, все же смутно догадывался, о чем идет речь.

– Ну, представьте себе, пчелы-убийцы скрещиваются с нормальными пчелами, их потомство перестает заниматься опылением фруктовых и кормовых культур, клевера например. Это, в свою очередь, может привести к упадку некоторых отраслей животноводства. Кроме того, почва обеднеет фитоэлементами, что, в свою очередь... Ну, и так далее.

В конце концов даже до старого служаки дошло, что пчелы действительно могут стать серьезной угрозой для безопасности страны. Понятие «цепная реакция» было ему знакомо. Почувствовав это, штатский мгновенно свернул свой «курс лекций».

– Кандидатуры для участия в операции вы уже подобрали? – деловито поинтересовался он, быстро просматривая стопку личных дел.

– Так точно, – ответил командир части, наконец-то почувствовав себя в своей тарелке. – Четверо, включая присутствующего здесь старшего лейтенанта Махова. Он пойдет командиром группы. Махов уже работал в Африке, правда, в другом регионе. В пчеловодстве, к сожалению, разбирается только один из наших контрактников. Правда, разбирается хорошо. Само собой, в группу включен, тем более в группе должен быть снайпер, а он и снайпер очень толковый. Уже заказали амуницию для Экваториальной Африки, ну и все, что положено...

– Придется добавить еще два комплекта. Для них, – прервал его объяснения штатский, открывая дверь. – Прошу!

В кабинет вошли двое: худенький парнишка-африканец лет двенадцати и молодая барышня весьма сексапильного вида. Штатский, со все той же ничего не выражающей улыбкой, представил девушку:

– Прошу любить и жаловать, Ольга Туманова – молодой, но очень талантливый ученый-энтомолог, кандидат биологических наук. Специализируется как раз на пчелах...

– Это мне понятно. А пацан здесь зачем? – Горячев смотрел на Максимку с явным раздражением. Надо же, дожили, уже дети участвуют в операциях спецназа...

– Что делать, майор... – Штатский с виноватым видом развел руками, однако старлею в этой виноватости почудилась легкая издевка. – Это тот самый мальчик из Либерии, который остался жив после нападения пчел. Надо вернуть ребенка на родину, как думаете? К тому же он хорошо знает Монровию и окрестности. Надеюсь, что вероятный район поисков тоже. Говорит не только по-английски, но и на одном из местных диалектов. Да еще, пока был в нашей больнице, немного выучил русский. Кстати, пусть вас не обманывает его возраст. У этого парня немалый опыт боевых действий в джунглях и в городе, в том числе в столице Либерии. И, еще раз напомню, ему, как африканцу, укусы этих пчел не страшны – а значит, в определенных условиях он сделает больше, чем все ваши солдаты. Я понимаю, майор, какие чувства у вас вызывает то, что в этой операции примет участие ребенок, но боюсь, что сейчас он единственный человек, который реально сможет нам помочь...

– Я-то что... – пожав плечами, вздохнул Горячев. – Я ведь здесь останусь... Справишься, Махов? – Он повернулся к старшему лейтенанту. Увидев явное сомнение на лице командира, тот не выдержал:

– Да с такими ребятами, как Локис... В огонь и в воду!

Глава 9

На плацу перед штабом стояли трое крепких парней в камуфляжной униформе. Примерно одного роста, возраста и ширины плеч. Стояли, переминаясь с ноги на ногу, уже довольно долго. Собственно, в штабе они уже побывали, вот только до командирского кабинета не дошли – еще на входе в здание их остановил дежурный офицер и вежливо посоветовал подождать на плацу, пока он их не позовет. Мол, командир пока занят. Ждет важных гостей. Все трое понимали, что срочный вызов к командиру части означает что-то серьезное, и приключившаяся задержка их не удивила. К тому же парни видели, как к штабу подъехал лимузин в сопровождении внедорожников с мигалками, что было для них лишним подтверждением. Машины и сейчас стояли у входа в штаб. Возле них никого не было видно, но ни один из контрактников не сомневался, что несколько шагов в сторону лимузина могут стать началом немалых неприятностей. Видели они и серьезного человека в штатском, приехавшего в «Мерседесе». Такие гости случались, как правило, перед очередной «горящей путевкой», и оставалось лишь гадать, куда их пошлют на этот раз. Правда, спецназовцы видели в компании штатского еще кое-кого. И эти кое-кто занимали их даже больше, чем цель предстоящей командировки.

Внимательный взгляд заметил бы, что, несмотря на мирную беседу, двое парней стараются держаться на расстоянии друг от друга, а третий всячески им в этом содействует.

– Ну что, Вован, накрылся твой долгожданный отпуск медным тазом, а? – Самый высокий из троицы, поплеывая на асфальт, от нечего делать уже в который раз пытался вывести из равновесия сослуживца. Тот и в самом деле не отгулял даже недели, когда его отозвали, но сейчас лишь невозмутимо смотрел в сторону. Связываться с этим жлобом, тем более в такой момент, Локису не хотелось. Хотя кулаки чесались. Однажды они даже крепко сцепились, за что тогда же обоим влетело по первое число. Поэтому пошлые и не отличавшиеся особым разнообразием подколки Решетилова Локис пропускать мимо ушей. Владимир никогда не сомневался, что Решето попал в спецназ исключительно благодаря стальным мышцам и крепким кулакам. Он, думал Локис, и школу-то окончил с их помощью: учителей наверняка напугала перспектива общаться с этим юным «гением» даже один лишний год. Нет, Решето вовсе не был туп. И даже предприимчивость не была ему чуждой. Сумел же он стать еще в учебке толковым связистом. Просто все, что требовало хотя бы минимального напряжения мышц и мозговых извилин, но не могло помочь ему по-быстрому срубить бабла или хотя бы устроиться лучше других, Эдика Решетилова не интересовало. Он не пошел после школы учиться дальше потому, что знал, что высшее образование не гарантирует высокой зарплаты. Однако культурный уровень чуть выше плинтуса не мешал ему иметь обо всем свое собственное мнение и смотреть на всех сверху вниз. Подобные жизненные установки и откровенно жлобские манеры Решетилова вызывали у Локиса стойкую антипатию. Нет, конечно, он и сам подался в контрактники не из одной только любви к родине, деньги тогда нужны были очень, да и сейчас они не мешают, а очень даже облегчают жизнь. Но все же для Локиса они не были единственным мерилем ценностей в окружающем мире. Владимир испытывал немалое облегчение от того, что Решето, оказавшись в их части, не попал с ним в один взвод.

Нервный шепот старшины Харченко, который всеми силами стремился не дать этим двоим сцепиться, заставил контрактников напрячься. И вовремя. Из штаба вышли командир части, майор Горячев, взводный Локиса старший лейтенант Махов и тот самый солидный мужик в штатском. Следом за ними показались спутники высокого гостя, так удивившие спецназовцев своим появлением, – худенький чернокожий парнишка и очень симпатичная девушка. Локис мысленно назвал ее Барышней. Очень уж к ней подходило это слово. Тем временем штатский попрощался с офицерами, погладил мальчишку по голове и открыл дверцу лимузина. Из этого, похоже, следовало, что он уедет один. То есть маленький африканец и

Барышня остаются. И действительно, эти двое отступили к офицерам, штатский исчез в утробе своего «Мерседеса», и машины двинулись в сторону КПП. Девушка что-то спросила у взводного, тот коротко объяснил и жестом показал направление. Она тут же отделилась от группы и двинулась прямо через плац мимо троих контрактников. Куда – догадаться было несложно. В той стороне находился единственный на всю часть женский туалет. Чуть погодя Решето, в полной уверенности, что его слышат только сослуживцы, озвучил очередную скабрзность:

– Нет, мужики, вы видели, а? Не кривись, Вован, правда ведь. Какая телка! М-м-м! Супер! Какие ножки! А задница какая! А сиськи у нее...

Закончить свою мысль Эдик не успел. Локис, стоявший к нему спиной, сжал кулаки и резко развернулся, чтобы вступить за девушку. Но вдруг почувствовал рядом стремительное движение. И, заканчивая разворот, увидел, как Решето опрокидывается наземь, нелепо дрыгая руками и ногами. А над ним возвышается Барышня, заметно уступающая связисту и в росте, и в ширине плеч... От смеха не удержался никто.

– Однако, – пробормотал майор Горячев, качая головой и тихо посмеиваясь. Его отношение к Барышне мгновенно изменилось с подозрительного на уважительное. Ну что ж, с такой «подопечной» парням нянчиться не придется. А маленький африканец смеялся, подпрыгивал и хлопал в ладоши.

Глава 10

Табманбург, центр департамента Боми, несмотря на близость к столице, живет своей собственной жизнью. Конечно, и здесь хватает следов недавней гражданской войны. Выбоины от пуль и осколков на стенах зданий. Заделанные фанерой и досками окна. Так и не разобранные руины. Плохо засыпанные воронки на улицах. И даже перестрелки еще случаются, особенно по ночам, когда большая часть города погружается в темноту. Если уж в столице до сих пор нет централизованных электросети и водоснабжения, то что хотеть от провинциального городка... Но тем не менее здесь все выглядит куда более мирно, чем в Монровии. Полицейских и солдат на улицах мало, но именно потому, что их здесь и в самом деле немного, а не потому, что они где-то прячутся. Иностранцы же всегда были здесь редкостью. Большинство белых, которых можно встретить на улицах Табманбурга, живут здесь еще с довоенных времен. Туристы пока что обходят эти места стороной и, наверное, еще долго будут обходить.

Джип с эмблемой национальной гвардии Либерии на борту проехал по улице в сторону центра города, подпрыгивая на ухабах и сигналив собакам и не слишком внимательным пешеходам. Один из прохожих, африканец в кепке и старом рабочем комбинезоне, с длинным шрамом через всю правую щеку, остановился и проводил машину взглядом. Когда джип скрылся из виду, он поправил на плече большую сумку и невозмутимо двинулся дальше. Через два квартала человек со шрамом повернул налево, прошел еще сотню шагов и снова свернул. Прямо под вывеску с выжженной тропическим солнцем надписью. В скрывавшейся за вывеской грязной забегаловке он сразу же направился к стойке, с облегчением отметив, что в полутемном помещении нет никого, кроме бармена. Впрочем, для любителей пропустить по маленькой было еще довольно рано. Бармен, судя по всему хорошо знавший вошедшего, отрицательно покачал головой – «тебя пока никто не спрашивал» – и, без вопросов нацедив гостю стаканчик виски, проводил его в местную версию «кабинета для особо важных персон». «Кабинет», завешанный циновками и ими же разгороженный на две части, имел два отдельных входа. Это давало посетителям возможность не встречаться друг с другом. Перегородка из циновок при этом позволяла им переговариваться или – чтобы никто не подслушал – обмениваться записками.

Невзрачный африканец со шрамом сидел один, сидел уже добрых полчаса и все больше нервничал, косясь на перегородку. Наконец с той стороны раздалось легкое постукивание по циновке. Условный знак. Человек, которого он ждал, пришел.

Послышался шорох – невидимый собеседник просунул под циновку листок бумаги. Африканец жадно схватил листок и прочитал:

«Как наши фрукты?»

Обладатель шрама облегченно ухмыльнулся, вытащил из кармана обгрызенный карандаш и накорябал ответ:

«Продал белым в аэропорту». Немного подумав, он дописал: «Все».

Листок исчез под циновкой. Через минуту снова появился со следующим вопросом:

«Покупателям понравилось?»

Африканец расплылся в улыбке, отчего его шрам стал еще уродливее, и снова взялся за карандаш. На этот раз он написал гораздо больше, ему даже пришлось перейти на оборотную сторону листка:

«Да. Мне сказали, что все, кто попробовал наш сюрприз, уже на небесах. Как и сказал старик, среди них черных нет. Но один самолет успел улететь. Про этих я ничего не знаю. Только я думаю, что на них тоже подействовало. Они все были белые и взяли шесть корзин».

На этот раз листок был на той стороне заметно дольше. Тип в кепке уже начал нервничать, под циновкой снова зашуршало.

«Кто-нибудь еще знает об этом?»

«Нет. Только старик. Все по-прежнему?»

С той стороны послышался невнятный шелест, африканец со шрамом почувствовал легкий запах дыма. Потом из-под циновки показалась пачка долларов, перетянутых резинкой. Поверх купюр в пачке лежал свернутый листок. Африканец вытащил бумажку, развернул и прочитал:

«Это тебе, как договаривались. Ничего не изменилось. Жди сигнала. Записку сожги. Подожди десять минут, потом уходи».

Воровато оглянувшись, обладатель жуткого шрама спрятал деньги. Потом вытащил дешевую зажигалку из прозрачного пластика, поджег бумажку и принялся внимательно смотреть, как она превращается в пепел.

Глава 11

Из кабины «семьдесят шестого» показался улыбочивый радист:

– Приготовьтесь, через десять минут мы сядем в Монровии.

Стрельнув глазами в сторону Ольги, он исчез в кабине. Командир группы пожал плечами. Десантники почувствовали близость посадки, едва самолет начал снижение, так что предупреждение радиста не застало их врасплох. Но Локис все же ощущал себя немного не в своей тарелке. Все-таки непривычно было лететь за границу легально, в российской военной форме, со своим оружием, а не оружием «вероятного противника». Пусть даже цели командировки оставались секретными. Похожие чувства обуревали и старлея с медиком.

Только Решето не испытывал никакого дискомфорта, откровенно расслабившись и украдкой бросая на Ольгу похотливые взгляды. Открыто пялиться на ее женские прелести после памятного приземления задницей на асфальт он не решался.

Сама Ольга, тоже облаченная в камуфляж, пыталась делать вид, что все происходящее ей не в новинку и нисколько ее не трогает. Но получалось у нее не очень. Нет, она уже пару раз побывала за границей – в Чехии и в Италии, но это было увлекательное и безопасное знакомство с мирной старой Европой, куда ее переносили комфортабельные аэробусы с вежливыми и улыбочивыми стюардессами. А не операция сил специального назначения где-то во взрывоопасной Африке, куда она летела в грузовом салоне военно-транспортного самолета в окружении самых настоящих спецназовцев. Впрочем, как раз их присутствие ее немного успокаивало. К парням в голубых беретах и тельняшках Ольга привыкла с детства – все-таки ее отец был офицером-десантником и большая часть этого самого детства прошла в дальних гарнизонах. Вот только тот белобрысый жлоб, которому пришлось наглядно объяснить, что нехорошо путать приличную девушку с телкой, по-прежнему раздражал самим фактом своего присутствия. Не говоря уже о том, что он весь полет пытался раздеть ее взглядом, убежденный, что этого никто не видит. Она посмотрела на остальных спутников. Старшина Харченко, медик. Смешливый, общительный парень. Знает столько анекдотов и баек, что кажется, будто он их сам на ходу и сочиняет. Женат и даже показывал фотографии жены и дочери. Малышка у него просто прелесть... Старший лейтенант Махов, командир группы. Красивый, умный, рассудительный, ловкий. Только малость прямолинейный. Настоящий офицер-десантник. Маме, наверное, напомнил бы отца в молодости. Интересно, о чем это он так задумался? Вот это и называется – ушел в себя... Прапорщик Локис. Снайпер и, как ей сказали, единственный в группе знакомый с пчеловодством не только по банке меда в гастрономе. А еще Ольга помнила, как Махов очень искренне заявил тогда в штабе командиру части, что с такими парнями, как Локис, готов в огонь и воду. Пока, правда, этот вполне симпатичный контрактник проявлял «огнеупорность и водостойкость» и выделялся тем, что единственный не пялился на нее во все глаза при каждом удобном случае. Ольга даже решила, что он женат или хотя бы собирается, но общительный Харченко охотно опроверг ее подозрения: «Нашему Медведю с невестами не везет, уже пару раз о свадьбе договаривался, но до загса так ни одну и не довел». Кстати, а почему они его Медведем называют, вдруг стало интересно Ольге, ведь про Локиса никак не скажешь, что он неуклюжий или слишком здоровый. От медведя в нем были разве что добродушие и немалая физическая сила, которая не слишком бросалась в глаза. К тому же двигался он обычно не по-медвежьей ловко. Сейчас снайпер что-то негромко рассказывал сидящему рядом с Ольгой Максимке, а тот внимательно слушал, время от времени задавая какие-то вопросы.

Маленький африканец просто тихо радовался жизни. Радовался тому, что жив, что можно дышать так же легко, как и до ранения, что скоро окажется на родной земле. Радовался, что прочная и красивая военная форма, которую в том русском гарнизоне пошили ему в подарок, подогнана по фигуре и очень удобно сидит. Что вокруг него сейчас такие хорошие люди.

Что Володя Локис, который знает столько всего интересного, его самый лучший друг и если что, защитит его от того злого парня со странным именем Решето. Максимка даже Локису не сказал, что на языке его родного племени означает одно слово, очень похожее на это имя.

Старший лейтенант Махов в это время еще раз прокручивал в голове мини-лекцию штатского, прочитанную им перед отправкой и касавшуюся официальной стороны их пребывания в Либерии. Прикрыв глаза, он словно снова услышал этот голос:

«Мы намерены воспользоваться тем, что уже не первый год в Либерии находятся около 40 российских офицеров связи, военных наблюдателей и офицеров штаба, как армейских, так и флотских. Они прибыли в эту африканскую страну в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1509 от 19 сентября 2003 года. Расходы на содержание этого контингента также лежат на ООН. Поскольку вашу группу проще всего отправить в Африку под видом миротворцев, то на время вашего пребывания в Либерии четыре российских офицера из состава „голубых касок“ будут из страны выведены. То есть ваше появление будет представлено как ротация личного состава. К сожалению, просто приплюсовать вас к нашему контингенту невозможно. Дело в том, что если в резолюции Совета Безопасности ООН указано 40 военнослужащих, то 44 держать нельзя, это уже нарушение Международного права. Дальше. Оперативное командование возлагается на старшего лейтенанта Махова. Задача группы – в кратчайшие сроки обнаружить и по возможности уничтожить источник распространения пчелубийц. Стратегическое и тактическое командование, а также техническую поддержку возьмет на себя военный атташе российского посольства подполковник Атанасов. Он же курирует наш контингент миротворцев и лично встретит вас в аэропорту...»

Махов открыл глаза. Самолет качнуло – пилоты разворачивали тяжелый «Ил-76», выводя его в створ посадочной полосы. За иллюминатором разворачивалась впечатляющая панорама Монровии, раскинувшейся вдоль океанского побережья на многие километры. Описав большой круг, «семьдесят шестой» погасил скорость над волнами и перешел в пологое снижение. Вскоре Махов увидел, как тень самолета пересекла береговую линию. Чуть позже тяжелая машина мягко опустилась на пневматики и покатила по посадочной полосе, вздрагивая на выбоинах.

Наконец под затихающий гул турбин десантники выбрались на летное поле и увидели, как к приземлившемуся самолету неспешно катятся большие грузовики в сопровождении двух бронемашин с большими белыми буквами UN во весь камуфлированный борт.

– Это за нашим грузом, – пояснил им командир самолета, вышедший на поле вместе со своими пассажирами. – А это, по-моему, за вами. – И он показал на стоявшие в сторонке белый микроавтобус и синий «Опель Фронтера» с тонированными стеклами. У внедорожника на крыле красовался российский флажок, под лобовым стеклом виднелся пестрый квадрат спецпропуска. Десантники попрощались с экипажем и двинулись к машинам. Когда они подошли поближе, из джипа выбрался высокий мужчина, явно южанин, в таком же, как у них, камуфляже для джунглей:

– Подполковник Атанасов, военный атташе посольства Российской Федерации. По совместительству куратор российского контингента Миротворческих сил ООН в Либерии.

Лишенный оптимизма тон подполковника десантников не удивил. Кому понравится, что на его и без того загруженную шею сажают еще кого-то? Прибывшие тоже представились. Когда атташе увидел Ольгу, его взгляд заметно потеплел. Он даже весьма галантно пригласил ее в свой джип, но Туманова вежливо отказалась и забралась вместе с остальными в микроавтобус. Ехать пришлось довольно долго – аэропорт находился на окраине, а до базы миротворцев путь лежал через весь город. Даже легендарный Михаэль Шумахер не смог бы здесь показать свою прыть – отвратительное состояние большей части местных дорог в сочетании с очень слабым знакомством либерийцев с правилами дорожного движения вряд ли позволили ему как следует разогнаться.

Атташе не просто встретил «командированных из Москвы» без энтузиазма. Он был очень недоволен. Только этих тупорылых десантников на его голову не хватало! С их-то готовностью выполнить приказ любой ценой! И так в Либерии беспокойно, так еще этих «рейнджеров» пчелы принесли! Атанасов нутром чувствовал, что «командированные» могут создать ему немало проблем. Хорошо хоть из Москвы сообщили, что они пробудут здесь от силы недели две-три. Утешили. Придется перетерпеть – подполковник считал пребывание в Либерии важной ступенькой в своей карьере и не собирался рисковать из-за нескольких дуболомов в камуфляже. Хотя, конечно, следует сразу же дать понять этой десантуре, кто здесь главный. Черт бы их побрал... До сих пор чисто символический по численности (на фоне всего 15-тысячного корпуса ооновских миротворцев в Либерии) российский контингент не создавал проблем никому, кроме бухгалтерии.

Когда они наконец добрались до расположения российского контингента миротворцев, атташе все с тем же кислым видом ввел их в курс дела:

– Полагаю, вы уже знаете, что здесь вы находитесь под видом военнослужащих Миротворческих сил ООН. Соответственно я – ваше непосредственное начальство и официально, и неофициально. Это не обсуждается. Но не сочту лишним кое-что повторить еще раз. Как военнослужащие Миротворческих сил вы имеете право перемещаться по городу с оружием, но вам следует семь раз подумать, прежде чем открывать даже ответный огонь. Это чревато очень серьезным и очень долгим разбирательством даже в случае вашей полной невиновности. И еще, не знаю, сказали ли вам об этом в Москве, но это здесь, в столице, наши миротворцы находятся и действуют легально, имея относительную свободу перемещения. А вот за границами Монровии – не имеют права без особого разрешения, согласованного с кучей местных и международных инстанций. Если выйдете за пределы прибрежной зоны дальше чем на десять миль, могут быть неприятности по линии ООН. Даже не знаю, на что понадеялось ваше начальство.

– Но что же нам делать, если гнездо пчел-убийц окажется за пределами столицы? – Ольга не удержалась и первой озвучила интересовавший всех вопрос.

Атташе пожал плечами:

– Ну, не знаю. В конце концов, вы же у нас научный специалист. А что, вы уже уверены, что в Монровии не найдете никаких зацепок? Тогда зачем вы прибыли сюда? – Атташе помолчал и, сообразив, что переборщил, неохотно добавил примирительным тоном: – Может быть, вам все-таки стоит сначала поискать здесь, в городе, – говорят, в тот день умерло еще несколько европейцев, которых тоже покусали пчелы в аэропорту и его окрестностях...

Оставшаяся часть дня ушла на размещение десантников и улаживание разных хозяйственных мелочей.

Утром атташе предоставил в их распоряжение посольский микроавтобус с водителем – собственный немногочисленный автопарк миротворцев уже был весь распределен. Ольга, прихватив с собой Максимку, первым делом объехала всех местных торговцев медом, прополисом и прочими продуктами на основе меда.

В качестве сопровождающего Махов хотел сначала отправить с ними Харченко, но старшине пришлось возиться с одним «настоящим» миротворцем, который умудрился отравиться и промедлил с обращением за помощью. Поскольку кандидатура Решетилова на роль сопровождающего после памятного приземления пятой точкой на асфальт всерьез даже не рассматривалась, а самому Махову полагалось сидеть в расположении контингента миротворцев, «кататься по городу» пришлось Локису. Это был один из самых скучных и спокойных дней в жизни снайпера. Энтомолог села впереди, рядом с водителем. Тот оказался весьма разговорчив и даже галантен (неудивительно – в присутствии такой девушки), Максимка тоже много говорил и показывал. Как-никак, его ведь взяли именно в качестве проводника и гида. Локис, которому собеседников вроде как не досталось, молча сидел сзади, держал оружие наготове

и разглядывал мелькающие за окнами городские кварталы. Тумановой не очень нравилось, что этот симпатичный и явно не глупый парень словно отсутствует в машине, в то время как водитель трещит за троих. И она несколько раз между заездами к очередным торговцам пыталась втянуть Владимира в разговор, но он лишь вежливо отвечал на вопросы, никак не пытаясь развить тему, а то и просто пожимал плечами, если не знал, что сказать. В конце концов девушка с некоторым сожалением оставила его в покое, подытожив свои усилия классическим афоризмом «насильно мил не будешь». Не замуж выходить приехала, между прочим. Парень он, конечно, симпатичный, но надо ли надоедать? Обижаться на него тоже незачем – во-первых, человек, что называется, при исполнении, а во-вторых, если все начнут общаться, кто же будет следить за окружающей обстановкой? Вон, водитель явно больше на пассажирку смотрит, чем на дорогу. Вот это действительно достало.

Честно говоря, Ольге показалось, что Владимир просто тяготится доставшейся ему ролью праздного пассажира. Выезжая в город, она искренне полагала, что Монровия – достаточно безопасное место, и вооруженное сопровождение ни к чему. По крайней мере, ей самой так думалось. Однако, как выяснилось, в целом ряде «точек» эскорт оказался совсем не лишним. До стрельбы, правда, дело не дошло, но несколько раз один лишь вид крепкого парня в ооновском камуфляже с «калашниковым» в руках спасал малознакомую с местными реалиями девушку от изрядных неприятностей.

Особых результатов рейд Ольги по торговым точкам не принес, но все же укрепил ее в мысли, что поиск ведется в правильном направлении. Когда последний магазинчик остался позади, она попросила выехать куда-нибудь в пригород, где больше шансов встретить диких пчел. Вооружившись сачками, она и маленький африканец перешли к «сбору образцов». Наловили немного, но для первичного анализа должно было хватить. Локис и здесь все это время бродил с автоматом вокруг микроавтобуса, удерживая чересчур любопытных местных жителей на безопасной дистанции.

Зато потом Ольга почти до утра просидела, склонившись над микроскопом и сравнивая пойманных на окраине либерийской столицы пчел с насекомыми, найденными в эмчезовском «Ил-76».

Утром, когда Туманова выбралась из своей комнаты и показалась в столовой, десантники с Максимкой уже заканчивали завтрак. Сочувственно глядя на ее помятое полусонное лицо и покрасневшие глаза, Махов поинтересовался:

– Ну что, нашли что-нибудь?

– Пока нет. Ни в одном справочнике нет таких пчел. Странно все это. Либо они водятся в каких-то совсем уж неизученных местах, либо... либо совсем недавно их не существовало в природе. Однако кое-что уже вырисовывается.

– Например? – тут же любопытствовал командир группы.

– Некоторые особенности строения пчелы-убийцы роднят ее с местной разновидностью диких пчел. Так что мы на правильном пути. Но, боюсь, искать придется долго.

– Нехорошо мужчинам валяться на солнышке, когда такая девушка работает, – усмехнулся старший лейтенант. – В конце концов, задача у нас общая. Чем мы можем помочь?

– Ну, – энтомолог замаялась, – чтобы найти источник, нужно сначала найти пчел. Для этого надо собрать как можно больше образцов. То есть наловить... Если подключить всех ваших людей, возможно, мы раньше доберемся до цели. Способ, конечно, не самый продуктивный, но никакого другого пути пока предложить не могу...

– Ясно. – Махов с трудом сохранил серьезное выражение лица, вспомнив, что сам сказал командиру части, когда тот возмущался тем, что его людям придется ловить пчел. Приказ есть приказ. – Значит, будем ловить пчел. Вы объясните нам, как это делать?

С трудом удерживая зевоту, Ольга объяснила. Махов повторил и добавил, что это не просьба, это приказ. Всем прибывшим десантникам предстояло расставить ловушки с патокой,

вооружиться сачками и ловить насекомых. При этом не расслабляться и соблюдать все необходимые меры безопасности. Все-таки не дома.

Локис, получив такой приказ, лишь пожал плечами. И не смог удержаться от улыбки, внезапно представив, как ловит огромную пчелу в перекрестье прицела своей снайперской винтовки. Лица же остальных подчиненных Махова вытянулись: нам, спецназу, такой ерундой заниматься? Но Харченко промолчал – приказы не обсуждаются. Зато Решето, как обычно, не держал своих мыслей при себе:

– Я че, блин, ботаник, что ли? Бабочек сачком ловить? Офигеть, хренотень какая...

Глава 12

В качестве исходного района поисков решили выбрать окрестности столичного аэропорта. В конце концов, именно здесь пчелы-убийцы впервые «показали себя». Версию, что они попали в корзины с фруктами случайно, исключать пока еще было нельзя. А с другой стороны, здесь, в черте города, десантники могли заниматься чем угодно без каких-либо претензий со стороны местных властей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.